

УДК 811.511:143

DOI: 10.30624/2220-4156-2025-15-2-337-348

## Лексико-семантическое поле слова *атэм* 'плохой' в хантыйском языке

А. А. Шиянова

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,  
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация,  
SyaziA@mail.ru*

### АННОТАЦИЯ

**Введение.** В статье представлен комплексный анализ лексико-семантического поля слова *атэм* 'плохой' в хантыйском языке. Рассматривается его сочетаемость с различными классами существительных, диалектные вариации (казымский, шурышкарский, приуральский, сургутский диалекты), а также фразеологические и культурные коннотации. Особое внимание уделяется роли лексемы *атэм* в формировании негативной оценки в хантыйской языковой картине мира.

**Цель:** выявить структуру и состав лексико-семантического поля слова *атэм* 'плохой' в хантыйском языке, установив его семантические связи и особенности употребления в диалектах хантыйского языка.

**Материалы исследования:** эмпирической базой исследования послужила картотека, составленная из примеров двуязычных словарей по хантыйскому языку, фольклорных сборников, полевых материалов автора.

**Результаты и научная новизна.** Изучение оценочной лексики в структурно-семантическом аспекте играет ключевую роль в понимании системной организации языка, поскольку позволяет раскрыть взаимосвязь между формальной структурой языковых единиц и их аксиологическим содержанием.

Прилагательное *атэм* 'плохой' в хантыйском языке является универсальным средством выражения негативной оценки в различных сферах: физическое состояние, внешность, характер, эстетика. Оно отражает культурные нормы, мировоззрение и систему ценностей хантов.

Широкая сочетаемость данного прилагательного описывает вредное, нежелательное или некачественное, объединяет практическую непригодность, моральное осуждение и духовную опасность. В языковой картине мира через слово *атэм* выражаются представления о норме, добре и зле, сакральном и профанном. Таким образом, слово *атэм* важный элемент хантыйского мировоззрения, отражающий синтез практических, этических и духовных оценок.

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе слова *атэм* 'плохой' в хантыйском языке, выявляющем его роль как универсального культурно-мировоззренческого маркера. Впервые в структурно-семантическом аспекте рассматривается лексико-семантическое поле прилагательного *атэм* 'плохой' в диалектах хантыйского языка.

**Ключевые слова:** хантыйский язык, семантическое поле, негативная оценка, диалектная лексикология, фразеология, языковая картина мира

*Для цитирования:* Шиянова А. А. Лексико-семантическое поле слова *атэм* 'плохой' в хантыйском языке // Вестник угроведения. 2025. Т. 15. №. 2 (61). С. 337–348.

## Lexical-semantic field of the word *atəm* 'bad' in the Khanty language

A. A. Shiyanova

*Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,  
Khanty-Mansiysk, Russian Federation,  
syazia@mail.ru*

### ABSTRACT

**Introduction:** the article presents a comprehensive analysis of the lexical-semantic field of the word *atəm* 'bad' in the Khanty language. It is considered its compatibility with various classes of nouns, dialect variations (Kazym, Shuryshkar, Ural, Surgut dialects), as well as phraseological and cultural connotations. Particular attention is paid to the role of the lexeme *atəm* in the formation of a negative assessment in the Khanty language picture of the world.

**Objective:** to identify the structure and composition of the lexical-semantic field of the word *atəm* 'bad' in the Khanty language, establishing its semantic connections and features of use in the dialects of the Khanty language.

**Research materials:** the empirical basis of the study was the card index composed of examples of bilingual dictionaries in the Khanty language, folklore collections, and field materials of the author.

**Results and novelty of the research:** the study of evaluative vocabulary in the structural and semantic aspect plays a key role in understanding the system organization of a language, since it allows us to reveal the relationship between the formal structure of language units and their axiological content.

The adjective *atəm* 'bad' in the Khanty language is a universal mean of expression of negative assessment in various fields: physical condition, appearance, character, aesthetics. It reflects the cultural norms, worldview and value system of the Khanty people.

The wide compatibility of this adjective describes harmful, undesirable or poor quality, it combines practical unsuitability, moral condemnation and spiritual danger. In the language picture of the world, through the word *atəm*, ideas about norm, good and evil, sacred and profane are expressed. Thus, the word *atəm* is an important element of the Khanty worldview, reflecting a synthesis of practical, ethical and spiritual assessments.

The scientific novelty of the study lies in a comprehensive analysis of the word *atəm* 'bad' in the Khanty language, revealing its role as a universal cultural and worldview marker. For the first time in the structural and semantic aspect, the lexical-semantic field of the adjective *atəm* 'bad' in the dialects of the Khanty language is considered.

**Key words:** Khanty language, semantic field, negative assessment, dialect lexicology, phraseology, language picture of the world

*For citation:* Shiyanova A. A. Lexical-semantic field of the word *atəm* 'bad' in the Khanty language // *Vestnik ugrovedenia* = *Bulletin of Ugric Studies*. 2025; 15 (2/61): 337–348.

## Введение

Исследование языковых единиц в структурно-семантическом аспекте позволяет раскрыть взаимосвязь между их формальной организацией и смысловым содержанием, что имеет ключевое значение для понимания системной природы языка.

Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью оценочной лексики в обско-угорских языках. Несмотря на значительное количество работ, посвящённых оценочным прилагательным в русском и других языках, вопросы семантики, функциональных особенностей и межъязыковых соответствий в данной группе лексики остаются дискуссионными.

Теоретической основой исследования послужили труды отечественных и зарубежных лингвистов, разрабатывавших проблемы оценочной семантики. Значительный вклад в изучение данной категории внесли Е. М. Вольф и Н. Д. Арутюнова, которые предложили классификации оценочных прилагательных, разделив их на дескриптивные (нейтральные) и собственно оценочные (положительные и отрицательные). Как отмечает Е. М. Вольф, оценка подразумевает ценностный аспект значения, который может быть интерпретирован как «А (субъект оценки) считает, что Б (объект оценки) хороший / плохой» [7]. Данная дихотомия пронизывает различные уровни языка, отражая не только когнитивные, но и культурно-специфические особенности восприятия мира. Н. Д. Арутюнова выделила общеоценочные (базирующиеся на доминантах «хороший / плохой») и частнооценочные значения, включающие сенсорно-вкусовые, психологические, эстетические, утилитарные, нормативные и телеологические оценки [1]. А. А. Батуева [3] исследовала мифопоэтическую символику оппозиции «хороший –

плохой» в германских языках, выявляя её связь с архетипическими представлениями индоевропейской культуры. Особый интерес представляют диалектологические исследования, такие как работа Л. Г. Гынгазовой и Е. В. Иванцовой [9], в которой установлено, что отрицательная оценка в лексиконе сибирских старожилов обладает яркой диалектной спецификой и охватывает все сферы жизни, особенно антропоцентрическую. Н. Н. Белова отмечает, что «в основе специфических признаков семантики оценки лежит природа её компонентов – оценивающего субъекта, оцениваемого объекта, оценочного предиката, основания оценки и её характера» [4, 15]. Статья Е. В. Скворцовой посвящена проблеме асимметрии оценочных значений в русском и английском языках. Анализируются два основных типа асимметрии оценочных значений: присутствие в языке полисемантических оценочных лексем, имеющих как отрицательное, так и положительное значение, а также численное преобладание слов негативной семантики над словами позитивной семантики [22]. Фоносемантический аспект изучения оценочных категорий рассмотрен И. В. Крашенинниковой [16], которая показала, что в песенных текстах оппозиция «хороший – плохой» может выражаться не только на лексическом, но и на звуковом уровне, создавая эффект семантической мимики. На материале калмыцкого эпоса «Джангар» Н. М. Мулаева [20] выделила микрополя положительной (*сэн* 'хороший', 'добрый', 'прекрасный') и отрицательной (*му* 'плохой', 'дурной') оценки, подчёркивая их роль в формировании эпической картины мира. З. А. Асанова [2] на материале крымско-татарского языка показала, что прилагательные *яхшы* 'хороший' и *ярамай* 'плохой' обладают высокой степенью семантической вариативности, способны входить

в разные лексико-семантические группы и выражать как сенсорно воспринимаемые свойства объектов, так и социально-коммуникативные характеристики человека. Сопоставительный аспект изучения данных категорий представлен в работе И. Вана [5], где анализируются русские конструкции с предикатом «плохой» в сопоставлении с китайскими эквивалентами.

В лингвистических исследованиях, посвящённых обско-угорским языкам, отдельные аспекты оценочной лексики получили фрагментарное освещение. Так, П. М. Кузнецов отмечал, что в хантыйских диалектах прилагательные закрытого класса со значением оценки («хороший» / «плохой») могут выступать в качестве первого компонента сложных слов, выражающих признак предмета [17, 15]. Ряд работ А. Д. Каксина [11; 12; 13; 14; 15] затрагивают вопросы характеристики и оценки личности. Ю. Г. Миляхова и В. Н. Соловар указывают, что «в языке отмечается общее внешнее сходство с животным, а также отрицательные эмоции передаются посредством акцентирования внимания на частях тела животного, например, это зубы, глаза, рога, когти, шкура, морда, или прямой негативной оценки, например: шур. *Атэм амп хорти* ‘Похож на плохую собаку (букв.: образ плохой собаки)’» [19, 45]. О. Ю. Динисламова [10] исследовала языковую репрезентацию характера в оппозиции «добрый – злой» на материале мансийской и русской фразеологии, выявив отражение народных представлений о моральных качествах личности. Н. А. Герляк изучала оценочную лексику казымского диалекта хантыйского языка, сосредоточив внимание на синонимии в микрогруппе «общая оценка характера человека» [8].

Таким образом, анализ оценочных оппозиций «хороший / плохой» в различных языках и дискурсах позволяет выявить как универсальные механизмы аксиологии, так и культурно-обусловленные особенности их языковой репрезентации. Данное исследование продолжает эту традицию, рассматривая лексико-семантическое поле (ЛСП) прилагательного *атэм* ‘плохой’ в диалектах хантыйского языка.

### Материалы и методы

Материалом исследования являются контексты, содержащие в своём составе прилагательное *атэм* ‘плохой’, передающие значение оценки. Эмпирической базой исследования

послужили лексикографические источники двуязычные и диалектологические словари хантыйского языка [6; 18; 23; 28], фольклорные сборники [21; 24], издания, содержащие тексты на хантыйском языке [25; 26; 27; 29] и полевые материалы автора, собранные в ходе экспедиции в Ямало-Ненецком автономном округе (2024 г.). Переводы примеров, где не указана ссылка на источник, выполнены автором статьи.

Исходя из цели работы и особенностей изучаемого объекта, в исследовании использовались методы: наблюдения, лингвистического описания, методы сплошной выборки, структурно-семантического, контекстуального, а также элементы количественного анализа.

### Результаты

В хантыйском языке прилагательное *атэм* ‘плохой’ образует обширное лексико-семантическое поле, сочетаясь с различными существительными и выражая широкий спектр негативных значений. В данной статье рассматриваются сочетания слов с лексемой *атэм* в казымском, шурышкарском, приуральском и сургутском диалектах, которые демонстрируют их семантику и культурные коннотации.

Слово *атэм* ‘плохой’ в хантыйском языке образует разветвлённое лексико-семантическое поле, охватывающее различные аспекты негативных эмоций, поведения, настроения и характеристик и т. д. Рассмотрим подробно каждый из примеров, группируя их по смысловым категориям.

**1. Оценка человека, связанная с проявлением негативных эмоций, поведения и восприятия в социальном и психологическом контексте.** Эту группу мы разделили на несколько семантических подгрупп:

1.1. *Социальное осуждение и нарушение гармонии.* В данную подгруппу входят сочетания со значениями: осуждение индивидуума, нарушающего коллективную гармонию. В хантыйском мировоззрении «плохой» ≈ «опасный для общества»: каз. *атэм хуйат*, шур. *атэм хойат*, приур. *атэм нэжхуй* ‘плохой человек’, например: каз. *атэм ханты* ‘плохой человек’, каз. *Атэм хуйат* ‘Плохой человек’ [23, 44]; шур. *Лув лувела ястал*: «*Ма Порнэ, Послау ёх пор ёха тэйжайэт. Пор ёх щит атам хоятат, Щаня ёх моц ёх*» [21, 5] ‘Он ему говорит: «Я Порнэ, люди с Послова относятся к фратрии

Пор. Люди Пор – это плохие люди, люди с Сыни относятся к фратрии Мош»; шур. *Ин ай похал ёхи лоңемал, ястал: «Муйл атам вен, айл ки ай ат ул. Ици хоят. Ай элты хоят эн-мильял, – ястал, – ям ци, ащем ай хоят элты вену вус»* [21, 84] ‘Этот маленький мальчик домой забежал, говорит: «Почему плохой зять, маленький, дак пусть маленьким будет. Тоже человек. Из маленького человек вырастает, – говорит, – хорошо же, отец мой их маленького человека в зятя взял»; каз. *Ййм хантыйән муй атәм хантыйән, мултыйән ци йухәтса. Ййм ханты ки, ййм щира щәха йасән лупәл, иньцәсәл-путәртәл* ‘Плохой человек или хороший человек, что-то его посетило. Если хороший человек, хорошее слово скажет, спросит-поговорит’ [23, 573].

1.2. Физиологические и сенсорные реакции. Прилагательное *атәм* характеризует физическое состояние – ухудшение зрения, невозможность видеть: сург. *сәмхәл атәмхә*, приур. *сәмңәләл атәмңән* ‘зрение плохое (букв.: глаза плохие)’, например: сург. *Лүв сәмхәл атәмхә вулхән* ‘У него зрение плохое’ [6, 21]; сург. *Сәмхән атәмхә вулхән* ‘Зрение ослабло’ [6, 37]; сург. *Сәмхән атәмхә вулта йәлхән* ‘Испортить зрение’ [6, 37]; приур. *Сәмңәләм нур атәмми йисүән на нэмәс щир йнтам* ‘Зрение моё плохое стало и никакой возможности нет (букв.: Глаза мои плохими стали и никакой возможности нет)’ (ПМА).

Использование компонента *атәм* ‘плохой’ в сочетании с существительными, обозначающими звуковые явления: каз. *атәм үв* ‘страшный крик (букв.: плохой крик)’, например: *Атәм үвән үвман, лүв на йәллы ци навәрмәс* ‘Он закричал, и прыгнул подальше’ [23, 569]; каз. *атәм тӯр* ‘страшный голос (букв.: плохой голос)’, *Атәм тӯрән ин ики и пӯш; төп үвтәс* ‘Страшным голосом мужчина только один раз крикнул’ [23, 547]; приур. *Щикем атам турна увал, пал лап манты кемна* [24, 52] ‘Таким плохим голосом кричит, уши может заложить’. Комбинация *атәм + үв / тӯр* передаёт значение ‘страшный, ужасающий’. Это пример идиоматизации – прямое значение ‘плохой крик / голос’ приобретает оттенок интенсивности и эмоциональной оценки. Глагол *үвты* и наречие *и пӯш* указывают на однократное резкое действие, что усиливает эффект внезапности.

1.3. Проявления агрессии и раздражения. Фраза каз. *атәм сәм*, приур. *атәм сэм* (букв.: ‘плохие глаза’) в казымском и приуральском

диалектах хантыйского языка имеет устойчивое переносное значение ‘злой взгляд’ или ‘сердитый взгляд’. Сочетание приобрело идиоматический характер и употребляется для описания недоброжелательного, агрессивного или сердитого взгляда, например: каз. *Атәм сәмән вантәл* ‘Смотрит зло (букв.: Плохими глазами смотрит)’ [23, 44], действие сопровождается негативной эмоцией (злость, агрессия, недовольство). Конструкция указывает на способ взгляда, где *атәм* маркирует отрицательную оценку, каз. *Ма пәлама атәм сәмән әңкәртыйәл* ‘Он на меня сердито посматривает’ [23, 50], подчёркивается направленность взгляда (на говорящего) и его повторяемость (прерывистый, оценивающий взгляд с негативным оттенком); приур. *Лүв сәмләл улта тутлиллы, ма пәлайәм атәм сэмна вантәл* ‘Не смотрит в глаза, со злостью на меня смотрит (букв.: Глаза снизу водит, на меня плохими глазами смотрит)’ [ПМА], так отмечается психо-физиологическое восприятие: избегание зрительного контакта, возможно, со стыдом или скрытой злобой, человек не смотрит прямо, но при этом его взгляд косвенно выражает злость. Усиление негативной коннотации за счёт описания поведения (отведённый взгляд + злой взгляд). Метафорический перенос: сочетание ‘плохие глаза’ → ‘злой взгляд’ передаёт связь между физическим признаком и эмоциональным состоянием.

Фразеологизм *атәм сәм / сэм* служит для выражения негативных эмоций через описание взгляда и функционирует в речи как устойчивый семантический блок. Его употребление варьируется в зависимости от контекста, но всегда связано с выражением злости, агрессии или недовольства.

Анализ подтверждает, что в хантыйском языке сомоним *сәм / сэм* ‘глаза’ часто выступает как маркер эмоционального состояния, а определение *атәм* ‘плохой’ придаёт выражению оценочно-эмоциональную окраску.

Эмоциональное состояние, возможно, связанное с раздражительностью или капризностью, передаётся метафорой, обозначающей поведение и состояние раздражения, когда человек «облачается» в негатив: каз. *атәм сүх*, приур. *атәм сәх* ‘плохое настроение’ (букв.: плохая шкура), например: фразеологизм каз. *Атәм сүхән йухәтты* ‘Вести себя неадекватно, злиться (букв.: Плохой кожей-шкурой прийти)’ [23, 45]; каз. *Атәм сүхән йухәтса* ‘Он ведёт

себя ненормально (букв.: Плохая шкура к нему пришла) [23, 45], шур. *Атэм сухэн йохэтса*, приур. *Атэм сохна йохэтса* 'Он введёт себя неадекватно (букв.: Плохой шкурой приходим)' – метафора одержимости злыми духами. В ряде случаев, особенно *атэм сух / сѳх*, наблюдается переносное значение «шкура» → «настроение», например: приур. *Лјув щит хѳты атэм сѳхэл йохтэс* 'Он капризничает (букв.: Ему ведь плохая шкура пришла)' [ПМА].

Речевое поведение, связанное с агрессией или грубостью, так *йасэң* 'слово' в сочетании с *атэм* приобретает значение бранной лексики; императивная частица *ал* показывает табуированность таких выражений, *атэм* – не просто недостаток, а нарушение табу, каз., шур. *Атэм йасэңэн ал љавта*, приур. *Атэм йасэңна ал љавта* 'Не ругайся плохими словами' – табу на сквернословие как угрозу духовной чистоте; каз., шур., приур. *атэм йасэң*, сург. *атэм йастэх* 'нецензурное слово (букв.: плохое слово)', например: каз. *Атэм йасэңэн ал љавта* 'Плохими словами не ругайся' [23, 44]; приур. *Лјув кѳмэн хорпи атэм йасэңэт лавэл* 'Он нецензурно выражается (букв.: Он всякие плохие слова говорит)' (ПМА); сург. *Ави атэм кѳл йастэх, йѳѳэлнэ илѳмты* 'Девочка плохое слово сказала, родители её пристыдили' [6, 52].

1.4. *Психическое и эмоциональное состояние.* Часто *атэм* используется для описания неадекватного, безумного или агрессивного поведения. В этих случаях *атэм* метафорически связывается с разумом *ух* – «голова», обозначая психическое расстройство или неконтролируемое поведение. каз. *ухэл атэм*, шур., приур. *охэл атэм* 'сумасшедший (букв.: голова=его плохая)', например: фразеол. каз. *Лјув ухэл атэм* [23, 44], шур., приур. *Лјув охэл атэм* 'Он сумасшедший (букв.: Он голова=его плохая)' (ПМА); каз. *Ух атэм тѳйѳэл* 'Он бывает ненормальным' [23, 44]; каз. *Ухэл атэм икэн щи шѳмпѳлман омэсэл* 'Сумасшедший сидит, разговаривает сам с собой' [23, 643]; каз. *Ухэн муй вот хот хурасэп, атэм ухэн* 'Голова похожа на дом ветра, плохая голова' [23, 65]; приур. *Ими элты щикем атам питас* [24, 34] 'Женщине так стало плохо'.

1.5. *Эстетические и поведенческие оценки.* Прилагательное *атэм* передаёт также эстетическую оценку, сург. *атэм ѳѳрас* 'страшная внешность / облик (букв.: плохая внешность / облик)', *Лјув мант атэм ѳѳраснэ пытѳлтэх* 'Он меня разъярил' [6, 99]; *атэм ѳѳрас ѳѳнѳлэ*

'ужасный' [6, 99]; *атэм ѳѳрас ѳѳ, нэ* 'страшный человек' [6, 98]; приур. *венсэл атэм* 'некрасивое лицо (букв.: плохое лицо)', например: *Нэухэл хѳты верыйи йѳм, венсэл туп атэм* 'Человек то очень хороший, лицо только некрасивое (букв.: лицо только плохое)' [ПМА]. В данном примере противопоставляются внутренние качества «хороший» и внешность, но сама связь «плохого лица» с негативной оценкой сохраняется. В примере сург. *Бу ими пал ѳйнам атэм ѳѳлат йѳх* 'У этой женщины лицо стало нехорошим' [6, 44] *атэм* может означать как физическое ухудшение (болезнь), так и моральную оценку.

Поведенческая характеристика, не связанная напрямую с моралью, выражается через шур. *атэм щир* 'плохая привычка', например: *Тѳм лѳвэм атэм щир тѳйѳэл, шуухантэл* 'Эта лошадь имеет плохую привычку, лягается' [18, 193].

1.6. *Негативные события и предчувствия.* Слово *атэм* во всех рассмотренных диалектах имеет значение 'плохой, дурной, злой', оно входит в состав сложных слов и устойчивых сочетаний, выражающих: негативные события, поступки, привычки; плохие сны, предчувствия, известия; нецензурную или вредоносную речь.

Плохие предчувствия, сны каз. *атэм вантты* 'плохое предвидеть'; сург. *атэм ура йѳта* 'несчастье' [6, 97]; *эңэл атэм мѳта ура йѳта* 'большое несчастье' [6, 97]; каз. *атэм вѳлѳм*, шур. *атэм улѳм*, приур. *атэм вѳлѳм*, сург. *атэм олѳм* 'плохой сон', например: каз. *Атэм вѳлѳм щи вѳлмисѳм* 'Я видел плохой сон' [23, 70]; шур. *Ма там хатл щикем атам улѳм ватсам, ѳлѳн ѳхатсаюв* [21, 106] 'Сегодня такой плохой сон видела, война пришла'; приур. *Там ат атэм вѳлѳм вансѳм* 'Сегодня мне плохой сон приснился' [ПМА]; сург. *атэм олѳм* 'плохой сон' [6, 83]; сург. *Атэм улѳми сѳрѳкинѳм панѳ нѳѳ вѳрѳлѳм* 'От кошмарного сна я вздрогнула и проснулась' [6, 52]. Сны воспринимаются как предзнаменования.

Плохие известия, речь каз. *атэм ай* 'плохая новость', например: *Атэм ай хѳлѳсѳм, сѳмѳм щи похнѳс* 'Я услышал плохую новость, испугался (букв.: сердце лопнуло)' [23, 15]; *Атэм ай тѳс* 'Он принѳс плохую новость' [23, 19]; каз., шур., приур. *атэм йасэң* 'плохое известие', например: *атэм йасэң* 'плохое известие' [6, 90]; шур. *Кашаң хоят пѳла лув ям номасан ус, ий хоят пѳла атам ясаң ат щи нюхмияс* [21, 5] 'К каждому человеку он с хорошими мыслями был, ни об одном человеке плохого слова

не сказал»; приур. *Атам йасэң йохтэс* ‘Услышать весть о несчастье (букв.: Плохое слово пришло)’ [ПМА].

*Атам* прямо указывает на отрицательную оценку действий: плохие дела, поступки, события каз., *атам вер*, шур., приур. *атам вер* ‘плохое дело’, например: *Атам вер верэл* ‘Творит зло (букв.: Плохое дело делает)’ [23, 107]; каз. *Ацэл пела пойкал: атам верлам ал немажы* ‘Умоляет отца: плохие мои дела не помни’ [23, 429]; каз. *Лјув атам вер тайял* ‘У него есть плохая привычка’ [23, 105]; каз. *Ин атам вер нух ши хўвјас* ‘Это плохое дело выявилось’ [23, 359]; шур. *Мблт атам вер вермэл* ‘Какой-то плохой поступок совершили’ [18, 29]; шур. *Нјур атам вер тыйэс* ‘Очень плохой случай приключился’ [18, 166]; шур. *Па муй атам вер, муң ванта наврытлыты ураңан ши йисув* [21, 124] ‘Что плохого (букв.: что плохое дело), мы ведь соревноваться приехали’; шур. *Па ищи атам вер верас хоты, атам верэн ям хун тайл* [21, 77] ‘Да вот плохое дело вышло, плохое дело ничего хорошего не имеет’; приур. *Атам вер этэс* ‘Несчастье случилось / произошло (букв.: Плохое дело вышло)’ [ПМА]; сург. *атам вяр* ‘плохой поступок’ [6, 110]; сург. *атам мэта вяр ёнтарнат цолта* ‘плохое событие’ [6, 96]; сург. *Лјув маңаты атам урэт вяр* ‘Он вредил нам’ [6, 110]. *Атам* указывает на преднамеренные вредные действия ‘творить зло’ или негативные случайные события ‘несчастье случилось’.

1.7. *Когнитивные и интеллектуальные процессы.* Рассмотрим примеры, которые содержат компонент *атам* ‘плохой’ и обозначают негативные состояния, свойства или действия, передающие эмоции, настроение, поведение: каз. *атам нумэс*, сург. *атам нэмэс* ‘плохая мысль’ употребляется в значении ‘злоумышленность’, ‘обида’, ‘недоброжелательство’, например: каз. *Атам нумэс тайты хуйат* ‘Человек с плохими мыслями, злоумышленник’ [23, 44]. Конструкция сург. *атам нэмэс энтэ тайта* ‘простить’ [6, 113] (букв.: не иметь плохих мыслей), например: *Атам нэмэс энтэ тайта вэнэкма пэтан* ‘Простить обиду’ [6, 113] показывает, что отсутствие злых мыслей ведёт к прощению, морально-этическая оценка, связанная с внутренним состоянием человека; сург. *атам нэмэс* расширенное значение ‘плохое настроение’, например: сург. *Атам нэмсэл цјнтэк цө* ‘Человек с плохими намерениями’ [6, 8]; *Энлан нјула питхэн, нјулнам йэмат атам нэмэс тайлэхэн* ‘Враждовать между собой’

[6, 102]; *атам нэмэс* ‘плохое настроение’ [6, 96]; *Лјув нэмсэл атамхэ йэх* ‘Она держит в душе обиду’ [6, 102]; сург. *Атам нэмсэт йира пјнта* ‘Забыть плохое’ [6, 94] (букв.: Плохие мысли в сторону убрать); сург. *Нјава мантэмнат атам нэмэс ал тайя* ‘Просить прощения’ [6, 90], здесь *атам* относится к негативным мыслям или поступкам, от которых нужно избавиться.

*Атам нумэс / нэмэс* во всех рассматриваемых диалектах расширило семантику от «мыслей» до «настроения» и переходит в интеллектуальную сферу. Фразеологизмы с лексемой *атам* часто связаны с социально-осуждаемым поведением (злость, вражда, брань). Таким образом, сочетание *атам* + X образует устойчивые выражения с негативной семантикой, но конкретное значение зависит от лексического окружения.

2. **Лексические единицы, связанные с восприятием вкуса, запаха, внешнего вида и качества пищи.** Эта сфера особенно важна в хантыйской культуре, где охота, рыболовство и собирательство играют ключевую роль в жизнеобеспечении.

В хантыйском языке запах и вкус тесно связаны, во всех наблюдаемых диалектах для них имеется одна общая единица: каз. *епэл*, шур., приур. *епэл*, сург. *әпәл*, например, каз. *атам епэл*, шур., приур. *атам епэл* ‘плохой запах’, сург. *атам әпәл* ‘плохой на вкус’. Приведём примеры: фолькл.; каз. *Атам епэл авэл* ‘Плохим запахом пахнет’ [23, 13]; приур. *Щикем атам епэл йохтэс* ‘Такой плохой запах пришёл’ [ПМА]; сург. *атам әпәл* ‘плохой на вкус’ [6, 17].

В фольклоре противопоставление *йәм* ‘хороший’ и *атам* ‘плохой’ подчёркивает бинарность оценки пищи: каз., шур. *атам јетут*, приур. *атам јытәт* ‘плохая еда (несъедобная, не качественная)’, например: фолькл. каз. *Ай јанкилэңки хотәл эвәлт ким етәл, йәм јетут, атам јетут јел, ищи тәхәла йухи јуңәл (сотпәң кэши)* ‘Мышка из жилища выходит, хорошую пищу, плохую пищу ест, в то же место входит (нож с ножнами)’ [23, 207]; сург. *Лјув атамхэ йэхэм вьцли јивмин цөв сурајәх* ‘Съев испорченную колбасу, он чуть не умер’ [6, 27], контекст подчёркивает значимость маркировки испорченной пищи.

В хантыйской культуре, где охота, рыболовство и собирательство играют важную роль, качество пищи – ключевой параметр. Критически важно различать съедобные и ядовитые грибы, поэтому сочетание *атам* + *төләх* маркирует опасность шур. *атам төләх* ‘несъедобный гриб (букв.: плохой гриб)’, например: шур. *Щит йнт*

*мосэл, атэм тóлах, а́нт лэ́ла йэ́л вóйцки* ‘Это не надо, плохой гриб, не едят, выкинь’ [18, 36]. Таким образом, семантика *атэм* в данной группе связана с физической непригодностью, особенно в контексте пищи, что жизненно важно в традиционном хантыйском быту.

### 3. Характеристика качества предметов.

В эту группу входят лексемы, обозначающие непригодность, ветхость или низкое качество предметов, связанных с традиционным бытом хантов: жилища, инструментов, одежды, меха и др. В условиях сурового климата и натурального хозяйства функциональность вещей критически важна, поэтому *атэм* здесь маркирует угрозу комфорту, безопасности и выживанию: каз., шур., приур. *атэм хот* ‘ветхий дом (букв.: плохой дом)’, например: каз. *Име́н-ике́н вёллэ́н хон вои́ питэ́рэн хи́шем-парэм атэм хотэн* ‘Муж с женой живут около царского города в старом плохом доме’ [23, 44]; шур. *Я, на е́ллы манл. Молты́ хи́шем-парэм атэм хота́ ёхата́л* [21, 132] ‘И дальше едет. В какой-то заплесневелый-сыпучий плохой дом приходит’. В обоих примерах словосочетание *атэм хот* описывает непригодное для жизни жилище, что подчёркивается эпитетами *хи́шем-парэм* ‘старый (заплесневелый), рассыпающийся’.

Нож и топор – основные инструменты в хозяйстве. *Атэм* в составе таких словосочетаний обозначает опасность (нож режет руки) или неэффективность (например, топор не рубит дрова). Так, приур. *атэм кесы* ‘плохой нож’, например: *Щи́ кесы́ а́л вóйи, щит атэм кесы, йосла́н эвэ́тлэн* ‘Этот нож не бери, это плохой нож, руки порежешь’ [ПМА]; шур. *атэм лайэм* ‘плохой топор’, шур. *Тут ю́х сэварты́ тахайн атэм лая́м о́лал* [21, 91] ‘На месте, где дрова рубят плохой топор лежит’; в казымском диалекте нож не получает прямой негативной оценки, так как он слишком важен для жизнедеятельности человека, поэтому характеризуется лезвие ножа: *Йэ́нлэ́л атэм, ньа́иш* ‘Лезвие плохое, тупое’. Конструкция *атэм* + инструмент универсальна, и отражает прагматичный подход к оценке качества.

Одежда оценивается с точки зрения теплозащиты *атэм сох* и престижа (насмешки из-за ветхой одежды). Например, *пун* ‘шерсть (мех)’ и традиционная *нюкни* ‘ягушка у которой стёрся мех’ маркируются как *атэм*, если они не выполняют функцию или выглядят неприемлемо, так, сург. *пунэ́л атэм* ‘мех плохой’, *Ллү́в ай ты́нэп войэ́х сёхли́ сáҕ лут, пунэ́л атэм*

‘Он купил дешёвую шубу, мех плохой’ [6, 135]; шур. *атэм сох* ‘не тёплая (тонкая) одежда (букв.: плохая одежда)’, например: *Ан-щеман атэм сохн ул, ат нев́ла лу́лн, нев́ла на мин ё́хи манла́ман* [21, 79] ‘Сестрёнка наша в плохой одежде, не замёрзла бы, замёрзнет и мы домой пойдём’, *Ант луматта́ла, кар сохн, атэм сохн ул* [21, 78] ‘Не оденут, без меха одежде, плохой одежде находится’, *Манлат, я́йңалал луматлы́лтан, лув на атэм сох ра́нныкыйн ул* [21, 79] ‘Едут, братья оденутся, он опять в плохой лохмотьях одежде’, *Ин мол-ха атэм сохн улма́лн, мохи́лалн ка́ман щирн ня́хла* [21, 88] ‘Когда вчера в плохой одежде был, люди по всякому его обсмеивали’; шур. *атэм нюкни* ‘старая, облезлая ягушка (букв.: плохая ягушка)’, например: шур. *Мо́щнэ э́вие ат ку́и каша́ца́л, атэм кара́у нюкни лумта́л* [21, 53] ‘Дочь Мо́щнэ хоть и не соглашается, но плохую в лохмотьях ягушку надевает’. Сочетание слов шур. *атэм кениш* ‘плохие кисы (худые)’, например: *Кү́рэм та́мхэ́тл щикем потса, кени́эм атэм* ‘Нога сегодня так замёрзла, чижы плохие’ [18, 137]; шур. *атэм шай́шкан* ‘некачественный / некрасивый материал (букв.: плохой материал)’, например: *Та́мац шай́шкан атэм, нóх пуссэм на лотхэмтэ́с* ‘Такой материал плохой, постирала и полиняла’ [18, 70]. *Шай́шкан* ‘материал’ и *кениш* ‘кисы’ – важные элементы быта, их качество напрямую влияет на комфорт и выживание человека. Лексема *атэм* в этом случае означает утрату функциональности (материал линяет) или не соответствует стандартам (кисы не греют).

В традиционном быту ханты важна пригодность вещей (жилища, пищи, одежды), предметы должны быть прочными и функциональными, поэтому *атэм* маркирует их непригодность как угрозу выживанию.

Модель словообразования универсальная – *Атэм* + предмет = ‘непригодный, ветхий, опасный’ *атэм хот, атэм кесы, атэм сох*. Основные критерии оценки: функциональность (топор не рубит, одежда не греет), безопасность (нож режет руки), социальный статус (насмешки из-за плохой одежды). В суровых условиях Севера некачественные вещи угрожают жизни, поэтому их маркировка строго систематизирована. Таким образом, *атэм* в этой группе выступает как индикатор непригодности, отражающий прагматичные ценности хантыйского общества.

**4. Характеристика погодных явлений.** В данной группе слово *атэм* ‘плохой’ активно используется для описания неблагоприятных погодных условий, что отражает важность природных факторов в жизни кочевых и полукочевых хантов. Погода для них – не просто фон, а ключевой элемент выживания, что находит отражение в языке, так приур. *атэм хятэл*, сург. *атэм зятэл* ‘ненастная погода (букв.: плохой день)’, например: приур. *Тям хятэл камэн атэм хятэл* ‘Сегодня на улице плохая погода’ [ПМА], употребление в бытовой речи (констатация факта) показывает, что это устойчивое сочетание, которое обозначает дождь, снег, ветер или другие неблагоприятные условия для передвижения, охоты или рыбалки. Сравните: сург. *Атэм зятэлнам ма лэв йүтнам вэрэхта йэлэт* ‘К плохой погоде у меня начинает ломить суставы’ [6, 12] связь между плохой погодой и физическим состоянием человека (ломота в суставах) указывает на то, что *атэм зятэл* воспринимается как вредоносное явление. Каз. *Төрмэв на атэм* ‘И погода плохая’ (букв.: Небо плохое).

Для хантов, чья жизнь тесно связана с природой, негативные погодные явления (метели, затяжные дожди, морозы) могли означать: опасность для оленеводства (гололёд, бескормица), трудности в рыболовстве (ледовые заторы, штормы), угрозу здоровью (обморожения, простуды). Поэтому слово *атэм* в сочетании с *хятэл / зятэл* ‘день’, ‘погода’ несёт не просто оценочное значение, а сигнализирует о реальной опасности.

**5. Характеристика пространства.** Слово *атэм* ‘плохой’ в хантыйском языке формирует лексико-семантическое поле, связанное с негативной оценкой пространства. Основные сочетания и их прагматические функции, например: шур. *атэм тяха* ‘плохое место’, *Майнман атэм тыхайа ликмэсэм, ухлэм и йира райкнэс, ўрайэн нөх перэтсэм* ‘В пути попал в плохое место, нарта перевернулась набок, едва перевернул’ [18, 89]; *Ухлэм майнман лэлман ус, щит атэм тыхайа, рэн хоща йдохтсэв, и йира райкнэс* ‘Ехали, нарта была загружена, в плохое место (попали), к горе подъехали, и упала набок (нарта)’ [18, 133–134]; *Атэм тыхайэн ухлэн ай ватэлтэйи* ‘В плохом месте упряжку веди’ [18, 27] (*ватэлтэйи* букв.: ‘веди за поводья’). Оценка места как ‘плохого’ связана с его опасностью для передвижения (нарта переворачивается, требуется усилие для исправления ситуации), акцентирует непригодность терри-

тории для практического использования (езды, перевозки грузов).

*Йуш / йус / лэк* ‘дорога’ в сочетании с *атэм* подчёркивает неудобство для транспортного передвижения шур. *атэм йуш*, приур. *атэм йус*, сург. *атэм лэк* ‘неровная дорога (букв.: плохая дорога)’, сург. *Нүү майшинанат айэлта йәнүжла, лэкэт атмэт* ‘Ты на машине осторожно едь, дороги плохие’ [6, 64], предупреждение об опасности из-за качества дороги (неровности, возможные аварии).

В приведённых ниже примерах отмечен архаичный бинарный код «левый = дурной» каз. *атэм пелэк* ‘левая сторона (букв.: плохая сторона)’, например: каз. *атэм ух пелэк* ‘левая височная часть головы’ [23, 565] (букв.: плохая головы сторона); *Атэм ух пелэклямэн щи кем сенклэт* ‘Левый висок стучит’ [23, 516]; каз. *атэм пелэк ух пелэк* ‘левая сторона головы (букв.: плохая сторона головы)’ [23, 45] Это отражает архаичное бинарное противопоставление «правого» (хорошего) и «левого» (плохого), характерное для многих традиционных культур.

В некоторых выражениях *атэм* ассоциируется с предзнаменованиями, связанными с мифологическими и анимистическими верованиями, например: каз. *Лайцэн на мет атэм вой* ‘Выпь – очень плохая птица’ [23, 243]; каз. *Көккөкэн атэм вантэл* ‘Кукушка предсказывает плохое’ [23, 210]. В этих случаях *атэм* не просто описывает качество, а несёт культурно-обусловленную негативную коннотацию, связанную с народными приметами.

Таким образом, лексико-семантическое поле *атэм* в пространственном контексте отражает прагматический подход к оценке окружающей среды, где ‘плохой’ означает ‘опасный’, ‘неудобный’ или ‘затрудняющий’.

В хантыйском языке реже встречается ирония (в отличие от русского «ну ты и хорош!»), так как *атэм* несёт серьёзную этическую нагрузку.

### Обсуждение и заключение

Прилагательное *атэм* ‘плохой’ в хантыйском языке является важным элементом при формировании негативных характеристик предметов, явлений и абстрактных понятий. Его сочетаемость охватывает широкий спектр лексики, отражая мировоззрение, культурные установки и систему оценок носителей языка.

*Атэм* – универсальное слово для негативной оценки в разных контекстах (физическое

состояние, внешность, характер, эстетика и др.). Во всех случаях *атэм* передаёт значение негативной оценки. Этот анализ показывает, как одно слово может охватывать широкий спектр негативных значений в зависимости от контекста. Оценка человека зависит от его соответствия нормам общества.

Анализ сочетательных возможностей слова *атэм* показывает, как универсальная концепция 'плохого' реализуется в разных сферах жизни хантыйского социума через устойчивые языковые конструкции.

Абстрактные понятия в хантыйском языке часто выражаются через метафоры, связанные с физическим миром (например, 'слово' как материальный объект).

Слово *атэм* 'плохой' в хантыйском языке обладает широким семантическим полем, охватывающим не только негативные качества, но и связанные с ними культурные представления, включающие также идиоматические выражения и фразеологизмы. Анализ примеров позволяет выделить пять ключевых смысловых групп: 1. Оценка человека, связанная с проявлением негативных эмоций, поведения и восприятия в социальном и психологическом контексте, куда входят следующие семантические подгруппы: социальное осуждение и нарушение гармонии; физиологические и сенсорные реакции; проявления агрессии и раздражения; психическое и эмоциональ-

ное состояние; эстетические и поведенческие оценки; негативные события и предчувствия; когнитивные и интеллектуальные процессы. 2. Лексические единицы, связанные с восприятием вкуса, запаха, внешнего вида и качества пищи. 3. Характеристика качества предметов. 4. Характеристика погодных явлений. 5. Характеристика пространства.

В базовом значении *атэм* описывает нечто нежелательное, вредное или некачественное. Так, слово *атэм* не просто обозначает негативную оценку, а вводит в языковую картину мира хантов, отражая их представления о норме и отклонении от неё, добре и зле, сакральном и профанном.

Слово *атэм* в хантыйском языке обладает высокой сочетаемостью, охватывая широкий спектр негативных значений – от физических свойств предметов до эмоциональных состояний и событий. Исследование подобных лексических полей важно для понимания языковой картины мира хантов и их восприятия окружающей действительности. *Атэм* – культурно-маркированное понятие, интегрирующее: практическую непригодность, моральное осуждение, духовную опасность.

Таким образом, *атэм* – не просто лингвистическая единица, а ключевой элемент хантыйского мировоззрения, отражающий синкретизм практических, этических и духовных оценок.

#### Сокращения

каз. – казымский диалект, приур. – приуральский диалект, сург. – сургутский диалект, шур. – шурышкарский диалект.

#### Список источников и литературы

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
2. Асанова З. А. Субъективно-оценочные прилагательные общей оценки яхшы 'хороший' / ярамай 'плохой' // Филология: научные исследования. 2020. № 12. С. 201–207. DOI: 10.7256/2454-0749.2020.12.34535.
3. Батуева А. А. Мифопоэтическая символика семантических диад «хороший – плохой» в германских языках (на индоевропейском фоне) // Общетеоретические и практические проблемы языкознания и лингводидактики: матер. Междун. науч.-практ. конф. (27–28 апреля 2006 г., г. Екатеринбург). Екатеринбург: Рос. гос. проф.-пед. ун-т, 2006. С. 29–34.
4. Белова Н. В. Семантика оценки в именах прилагательных: дис. ... канд. филол. наук. Мичуринск, 2011. 262 с.
5. Ван И. Оценочные конструкции со словом «плохой» в русском и китайском языках: опыт сопоставительного анализа // Мир русского слова. 2024. № 1. С. 14–24.
6. Волкова А. Н., Соловар В. Н. Хантыйско-русский тематический словарь (сургутский диалект). СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. 212 с.
7. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки = Semantica funcional da valorizacao. М.: Наука, 1985. 228 с.
8. Герляк Н. А. Об оценочной лексике в хантыйском языке (на материале казымского диалекта) // Русский лингвистический бюллетень. 2022. № 6 (34). С. 1–4.
9. Гынгазова Л. Г., Иванцова Е. В. «Что такое плохо» в представлении носителя традиционной народно-речевой культуры // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 4 (24). С. 5–18.

10. Динисламова О. Ю. Языковая репрезентация характера человека в дихотомии «добрый – злой» в мансийской и русской фразеологических картинах мира // Хантыйский мир через призму разноструктурных языков. Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2019. С. 54–109.
11. Каксин А. Д. Модальные и оценочные слова в аспекте системности лексики (на материале хантыйского языка) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. № 3–2. С. 32–37.
12. Каксин А. Д. Группы слов, связанных с номинацией, характеристикой и оценкой человека, в северных диалектах хантыйского языка // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2017. № 2 (16). С. 18–24.
13. Каксин А. Д. О средствах характеристики и оценки человека: эпитеты и сравнения в хантыйском языке (в сопоставлении с русским языком) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2018. Т. 4. № 3. С. 32–38. DOI 10.22250/2410-7190\_2018\_4\_3\_32\_38.
14. Каксин А. Д. Характеристика и оценка человека: специальные разряды слов в хантыйском языке // Финно-угорский мир в полиэтничном пространстве России: культурное наследие и новые вызовы: сб. ст. по материалам VI Всерос. науч. конф. финно-угроведов (Ижевск, 04–07 июня 2019 г.). Ижевск: Анны Зелениной, 2019. С. 99–104.
15. Каксин А. Д. О синонимии в сфере именной оценочной лексики (на материале казымского диалекта хантыйского языка) // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации: Матер. Всерос. науч.-практ. конф. XX Югорские чтения. Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2022. С. 132–140.
16. Крашенинникова И. В. Фоносемантические признаки «хороший-плохой» в конструктивном и деструктивном текстах песен // Проблемы фоносемантики: Матер. Междун. науч. семинара (Орехово-Зуево, 23–25 ноября 2016 г.) / отв. ред. А. В. Пузырёв. Орехово-Зуево: Государственный гуманитарно-технологический университет, 2016. С. 70–79.
17. Кузнецов П. М. Средства выражения признака предмета в диалектах хантыйского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2004. 23 с.
18. Лельхова Ф. М. Словарь глаголов хантыйского языка (шурышкарский диалект). Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2012. 207 с.
19. Миляхова Ю. Г., Соловар В. Н. Национально-культурные особенности языковых единиц сферы психоэмоционального состояния и поведения человека (на материале шурышкарского и казымского диалектов хантыйского языка) // Вестник угроведения. 2013. № 2 (12). С. 44–49.
20. Мулаева Н. М. Об употреблении лексем *сэн* ‘хороший’ / *му* ‘плохой’ (на материале калмыцкого героического эпоса «Джангар») // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2019. № 3. С. 66–79.
21. Няврэмдам Посланнэ унаңки монщат. Сказки бабушки Посланнэ: Сказки, легенды / З. В. Лонгортова. Салехард: Ямал-Медиа, 2022. 144 с.
22. Скворцова Е. В. Несимметричность положительных и отрицательных оценок в языке и при его функционировании в речи // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. № 1. С. 342–347.
23. Соловар В. Н. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2020. 689 с.
24. Сязи (Серасхова) А. Е. Сборник сказок и рассказов. Салехард: Ямал-Медиа, 2022. 288 с.
25. Gulya J. Eastern ostyak chrestomathy. Bloomington: Indiana University, 1966. 207 p.
26. Nikolaeva I. A. Ostyak. München; Newcastle: Lincom Europa, 1999. 110 p.
27. Onyina S. Szinjai hanti társalgási szótár (nyelvtani vázlattal és szójegyzékkel). Budapest: Budapesti finnugor füzetek, 2009. 86 p.
28. Steinitz W. Diealektologisches und etymologisches Wörterbuch der Ostjakischen Sprache. Berlin: [w/p], 1966–1991. 2019 p.
29. Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten. Beiträge zur Sprachwissenschaft und Ethnographie. Berlin: Akademie-Verlag, 1980. Band IV. 497 p.

### Полевые материалы автора

ПМА – Полевые материалы автора. Экспедиция в г. Салехард, Ямало-Ненецкий автономный округ, июнь 2024 г. (информант: А. И. Сязи, 1959 г. р.).

### References

1. Arutyunova N. D. *Tipy yazykovykh znachenij. Ocenka. Sobytie. Fakt* [Types of language values. Evaluation. Event. Fact]. Moscow: Nauka Publ., 1988. 341 p. (In Russian)
2. Asanova Z. A. *Sub’ektivno-ocenochnye prilagatel’nye obshchej ochenki yahshy ‘horoshij’/yaramaj ‘plohoj’* [Subjective-evaluative adjectives of the general assessment of *yahshy* ‘good’ / *yaramaj* ‘bad’]. *Filologiya: nauchnye issledovaniya* [Philology: scientific research], 2020, no. 12, pp. 201–207. DOI: 10.7256/2454-0749.2020.12.34535. (In Russian)
3. Batueva A. A. *Mifopoeticheskaya simbolika semanticheskikh diad ‘horoshij – plohoj’ v germanskih yazykah (na indoevropskom fone)* [Mythopoetic symbolism of semantic dyads “good – bad” in the Germanic languages (on Indo-European background)]. *Obshcheteoreticheskie i prakticheskie problemy yazykoznaniya i lingvodidaktiki: materialy*

*Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [General theoretical and practical problems of linguistics and linguodidactics: proceedings of the International Scientific and Practical Conference]. Yekaterinburg: Ros. Gos. prof.-ped. universitet Publ., 2006. Pp. 29–34. (In Russian)

4. Belova N. V. *Semantika ocenki v imenah prilagatel'nyh* [Semantics of evaluation in adjectives]. Michurinsk, 2011. 262 p. (In Russian)

5. Van I. *Ocenochnye konstrukciislovom “plohoj” v russskom i kitajskom yazykah: opyt sopostavitel'nogo analiza* [Evaluative constructions with the word “bad” in the Russian and Chinese: the experience of comparative analysis]. *Mir russkogo slova* [World of the Russian word], 2024, no. 1, pp. 14–24. (In Russian)

6. Volkova A. N., Solovar V. N. *Hantyjsko-russkij tematiceskij slovar' (surgutskij dialekt)* [Khanty-Russian thematic dictionary (Surgut dialect)]. Saint-Petersburg: Izd-vo RGPU im. A. I. Gercena Publ., 2018. 212 p. (In Khanty, Russian)

7. Wolf E. M. *Funkcional'naya semantika ocenki* [Functional semantics of evaluation]. Moscow: Nauka Publ., 2002. 280 p. (In Russian)

8. Gerlyak N. A. *Ob ocenochnoj leksike v hantyjskom yazyke (na materiale kazym'skogo dialekta)* [About evaluative vocabulary in the Khanty language (based on the material of the Kazym dialect)]. *Russkij lingvisticheskij byulleten'* [Russian Linguistic Bulletin], 2022, no. 6 (34), pp. 1–4. DOI 10.18454/RULB.2022.34.17. (In Russian)

9. Gyngazova L. G., Ivantsova E. V. *“Chto takoe ploho” v predstavlenii nositelya tradicionnoj narodno-rechevoj kul'tury* [“What is bad” in the representation of a native speaker of traditional folk speech culture]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philology], 2013, no. 4 (24), pp. 5–18. (In Russian)

10. Dinislamova O. Yu. *Yazykovaya reprezentaciya haraktera cheloveka v dihotomii “dobryj – zloj” v mansijskoj i russoj frazeologicheskix kartinah mira* [Linguistic representation of human character in the dichotomy “good – evil” in Mansi and Russian phraseological pictures of the world]. *Hantyjskij mir cherez prizmu raznostrukturnykh yazykov* [Khanty world through the prism of differently structured languages]. Khanty-Mansiysk: Pechatnyj mir g. Hanty-Mansijsk Publ., 2019. Pp. 54–109. (In Russian)

11. Kaksin A. D. *Modal'nye i ocenochnye slova v aspekte sistemnosti leksiki (na materiale hantyjskogo yazyka)* [Modal and evaluative words in the aspect of systematic vocabulary (based on the material of the Khanty language)]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Vyatka State University for the Humanities], 2009, no. 3–2, pp. 32–37. (In Russian)

12. Kaksin A. D. *Gruppy slov, svyazannyh s nominaciej, harakteristikoj i ocenok cheloveka, v severnyh dialektah hantyjskogo yazyka* [Groups of words related to the nomination, characterization and evaluation of a person in the Northern dialects of the Khanty language]. *Tomskij zhurnal lingvisticheskix i antropologicheskix issledovanij* [Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research], 2017, no. 2 (16), pp. 18–24. (In Russian)

13. Kaksin A. D. *O sredstvax harakteristiki i ocenki cheloveka: epitety i sravneniya v hantyjskom yazyke (v sopostavlennii s russkim yazykom)* [About the means of characterization and evaluation of a person: epithets and comparisons in the Khanty language (in comparison with the Russian language)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 2018, no. 4 (3), pp. 32–38. DOI 10.22250/2410-7190\_2018\_4\_3\_32\_38. (In Russian)

14. Kaksin A. D. *Harakteristika i ocenka cheloveka: special'nye razryady slov v hantyjskom yazyke* [Human characteristics and assessment: special categories of words in the Khanty language]. *Finno-ugorskij mir v polietnichnom prostranstve Rossii: kul'turnoe nasledie i novye vyzovy: sbornik statej po materialam VI Vserossijskoj nauchnoj konferencii finno-ugrovedov (Izhevsk, 04–07 iyunya 2019 g.)* [Finno-Ugric world in the multiethnic space of Russia: cultural heritage and new challenges: collection of articles based on the materials of the VI All-Russian Scientific Conference of Finno-Ugric Scholars]. Izhevsk: Anny Zeleninoy Publ., 2019. Pp. 99–104. (In Russian)

15. Kaksin A. D. *O sinonimii v sfere imennoj ocenochnoj leksiki (na materiale kazym'skogo dialekta hantyjskogo yazyka)* [About synonymy in the field of nominal evaluative vocabulary (based on the material of the Kazym dialect of the Khanty language)]. *Korennye malochislennye narody Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: tradicii i innovacii: Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii XX Yugorskie chteniya* [Indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East: traditions and innovations: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference the XX Yugra Readings]. Khanty-Mansiysk: Pechatnyj mir g. Hanty-Mansijsk Publ., 2022. Pp. 132–140. (In Russian)

16. Krashennikova I. V. *Fonosemanticheskie priznaki “horoshij – plohoj” v konstruktivnom i destruktivnom tekstah pesen* [Phonosemantic signs of “good – bad” in constructive and destructive texts of songs]. *Problemy fonosemantiki: Materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo seminara* [Problems of phonosemantics: Proceedings of the International Scientific Seminar]. Orekhovo-Zuevo: Gosudarstvennyj gumanitarno-tehnologicheskij universitet Publ., 2016. Pp. 70–79. (In Russian)

17. Kuznetsov P. M. *Sredstva vyrazheniya priznaka predmeta v dialektah hantyjskogo yazyka* [Means of expression of a sign of a subject in dialects of the Khanty language]. Tomsk, 2004. 23 p. (In Russian)

18. Lelkhova F. M. *Slovar' glagolov hantyjskogo yazyka (shuryshkarskij dialekt)* [Dictionary of the verbs of the Khanty language (Shuryshkar dialect)]. Khanty-Mansiysk: Novosti Yugry Publ., 2012. 207 p. (In Khanty, Russian)

19. Milyakhova Yu. G., Solovar V. N. *Nacional'no-kul'turnye osobennosti yazykovykh edinic sfery psihoemotsional'nogo sostoyaniya i povedeniya cheloveka (na materiale shuryshkarskogo i kazym'skogo dialektov hantyjskogo yazyka)* [National and cultural features of linguistic units of the sphere of psycho-emotional state and human behavior (based on the material

of the Shuryshkar and Kazym dialects of the Khanty language)]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2013, no. 2 (12), pp. 44–49. (In Russian)

20. Mulaeva N. M. *Ob upotreblenii leksem san 'horoshij' / mu 'plohoj' (na materiale kalmyckogo geroicheskogo eposa "Dzhangar")* [About the use of the lexemes *san* 'good' / *mu* 'bad' (based on the Kalmyk heroic epic "Jangar")]. *Byulleten' Kalmyckogo nauchnogo centra RAN* [Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2019, no. 3, pp. 66–79. (In Russian)

21. *Нуврэмдэм Росдаңне ипаңки моншчат. Сказки бабушки Посланне: Сказки, легенды* [Fairy tales of Grandma Emissary: Fairy tales, legends]. Comp. Z. V. Longortova. Salekhard: Yamal-Media Publ., 2022. 144 p. (In Khanty, Russian)

22. Skvortsova E. V. *Nesimmetrichnost' položitel'nyh i otricatel'nyh ocenok v yazyke i pri ego funkcionirovanii v rechi* [Asymmetry of positive and negative assessments in language and in its functioning in speech]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Proceedings of Tula State University. Humanities], 2014, no. 1, pp. 342–347. (In Russian)

23. Solovar V. N. *Hantyjsko-russkij slovar' (kazymskij dialekt)* [Khanty-Russian dictionary (Kazym dialect)]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN Publ., 2020. 689 p. (In Khanty, Russian)

24. Syazi (Seraskhova) A. E. *Sbornik skazok i rasskazov* [Collection of fairy tales and short stories]. Salekhard: Yamal-Media Publ., 2022. 288 p. (In Khanty, Russian)

25. Gulya J. *Eastern ostyak chrestomathy*. Bloomington: Indiana University, 1966. 207 p. (In English)

26. Nikolaeva I. A. *Ostyak*. München; Newcastle: Lincom Europa, 1999. 110 p. (In English)

27. Onyina S. *Szinjai hanti társalgási szótár (nyelvtani vázlattal és szójegyzéssel)* [Jinjianti-hanti-tansalgari-szótár (nielvtani vázlattal és szógyzékel)]. Budapest: Budapesti finnugor füzetek, 2009. 86 p. (In Hungarian, Khanty, Russian)

28. Steinitz W. *Diealektologisches und etymologisches Wörterbuch der Ostjakischen Sprache*. Berlin: [w/p], 1966–1991. 2019 p. (In Khanty, German)

29. Steinitz W. *Ostjakologische Arbeiten. Beiträge zur Sprachwissenschaft und Ethnographie*. Berlin: Akademie-Verlag, 1980. Band IV. 497 p. (In German)

#### **Field materials of the author**

Field materials of the author – *Ekspediciya v g. Salekhard, Yamalo-Nenetskij avtonomnyj okrug, iyun' 2024 g. (Informant: A. I. Syazi, 1959 g. r.)* [Expedition to Salekhard, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, June 2024 (Informant: A. I. Syazi, 1959 year of birth)].

#### **ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ**

**Шиянова Анастасия Антоновна**, ведущий научный сотрудник, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок (628011, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, д. 14А), кандидат филологических наук.

syazia@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-6495-6157

#### **ABOUT THE AUTHOR**

**Shiyanova Anastasia Antonovna**, Leading Researcher, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (628011, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Mira Str., 14A), Candidate of Philological Sciences.

syazia@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-6495-6157